

жен всю жизнь петь “пустите погреться”?.. Надо было сворачивать с чужой дороги. Или выходить вперед... И я ушел в “Самоцветы” (а позже ушел и из них) работать в новой программе. Начал выступать с пародиями на известных артистов.

На Всесоюзном конкурсе артистов эстрады в 1977 году я получил второе место (с номером “Про старшину Ковальчука”, написанным Леонидом Якубовичем. – Ред.), потом стал лауреатом Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване.

...В Кремлевском Дворце съездов начиналась подготовка к правительственному концерту, посвященному 60-летию образования СССР. Вел этот концерт Борис Сергеевич Брунов (выдающийся конферансье, художественный руководитель Московского театра эстрады. – Ред.). Он и рекомендовал меня для выступления. Чиновники из ЦК сказали: “В концерте участвует Аркадий Райкин! А вы нам рекомендуете молодого артиста, который только что стал лауреатом... Члены Политбюро будут слушать, вы что, не понимаете?”

Присутствие членов Политбюро означало, что в зале будет не один “царь”, а целых 15. Борис Сергеевич сказал: “Я отвечаю за него. Попробуйте”...

На концерте выступил Лева Лещенко, а после него я. Волновался так, что чуть с ума не сошел, но прошел нормально. Кроме пятнадцати царей, в зале было пять тысяч зрителей. Они меня приняли, полюбили... И с этого времени у меня пошло...

Успех не пришел, а навалился на меня глыбой... Вереницей пошли приглашения на праздники – октябрьские, майские, женские, День пионерии, День птиц... Не было телевизионной программы, в которой бы я не участвовал... За год и сам не заметил, как стал знаменитым...

... В моей жизни бывали такие случаи, которые заставили меня думать, что все, что с нами происходит, не просто так... Кто-то постоянно наблюдает за нами, не сводя глаз. И решает, быть на земле или не быть...

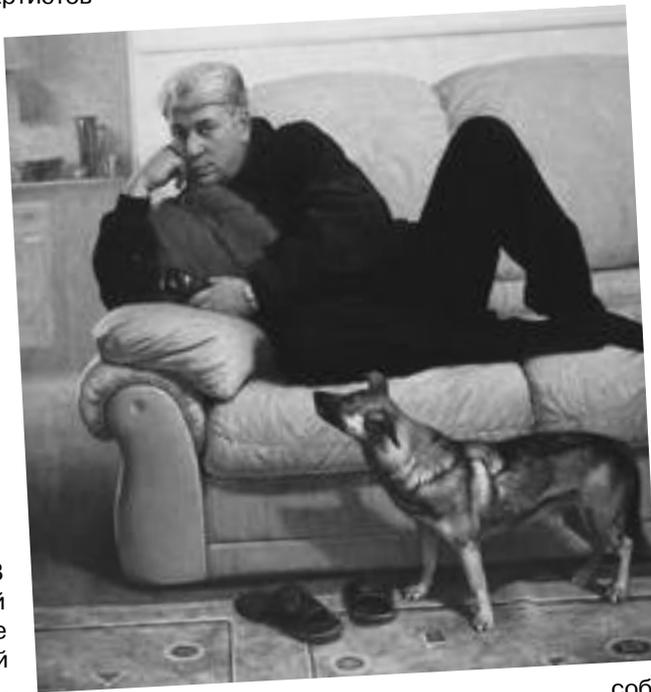
Много лет назад наш теплоход “Адмирал Нахимов” по загадочным причинам столкнулся с сухогрузом... погибли сотни людей. В тот трагический день мы с Левой Лещенко были в Новороссийске, выступали. Вечером я должен был сесть на “Нахимов” и плыть в Сочи. У Левы было три выходных, и он решил плыть со мной, но к вечеру его срочно вызвали в Москву, на концерт. Мне предстояло плыть одному. Местные ребята пригласили меня на хорошее мероприятие – шашлык на берегу моря. Я с радостью согласился. Пока сидели, ребята уговорили плыть морским трамвайчиком вместе с коллективом.

С одной стороны, “Нахимов” – комфортабельный теплоход. Но я там буду один. Морской трамвайчик трясется восемь часов, но зато я буду в хорошей компании. И я перенес свое плавание на утро. А утром мы услышали жуткую новость...

...В 1992 году в Германии я попал в автомобильную катастрофу. Погибли два моих приятеля, один из них был мой близкий друг... Мне повезло. Но жуткие травмы приковали меня к постели на долгие месяцы. Правая нога – вывих таза. Левая нога – сложный перелом бедра. И я попал в госпиталь.

Сначала в германский.

На третий день ко мне примчался Иосиф Кобзон, который в это время был на гастролях. С ним были русские эмигранты. Они перевели Иосифу разговоры врачей о том, что мне надо одну ногу ампутировать. Иосиф намекнул

мне: “Дело сложное”... Я попросил его связаться с нашими врачами. Меня перевели в военный госпиталь, где без дополнительных операций в буквальном смысле склеили по кускам...

Я учился по новой ходить... Ночами, когда в госпитале все засыпали, разрабатывал ноги. Они были тонкие, как руки, и совсем не двигались, болтались, как плети... Я называл свои ночные тренировки – “гестапо”. Даю приказ левой ногой: “Поднимись!” Реагирует, поднимается. Приказываю правой – никакой реакции. Спустя две недели – чувствую: зашевелилась. Вот тогда я понял, что такое счастье...

Когда уезжал из госпиталя, накрыли на стол, и я врачам станцевал цыганочку. Меня свозили к немцам, и перед ними я тоже станцевал... Потому что, когда все это случилось, они мне говорили: “После таких травм с актерской профессией можно распрощаться”... Но я победил. Просто не мог не победить: другой профессии, кроме актерской, я не знаю. В строители мне уже поздно было возвращаться...

...Левушка, Лева Лещенко. Он – моя совесть. Мы три с половиной десятилетия лет дружим. Лева знает меня досконально, поэтому обходит все острые углы... старается смягчить... Он внутренне очень интеллигентный. И на меня пытается влиять в хорошем смысле. Сидим, например, в компании чиновников и их жен, наряженных в бриллианты вперемешку с бижутерией. Лева чувствует, когда я злюсь, когда меня несет. Всегда старается предупредить мою резкость. Тщетно пытается успеть вставить какое-нибудь приличное слово вместо моего мата. Но я беспощаден к подобной цензуре, говорю с суровым видом: “Из песни слова не выкинешь. Хотели слушать анекдот? Слушайте!” Мужики корчатся от смеха, бабы делают вид, что они никогда не слышали слово “жопа”. Я говорю: “Как это так? Жопа есть, а слова такого нет?...”

Как-то на юбилее Хазанова мы дуэ-

том исполнили номер Аркадия Хайта “Левчик и Вовчик” – как два новых русских по мобильному разговаривают: “Алло, Левчик, это я, Вовчик! Как дела?” И это сразу к нам прилипло...

Мы всегда друг друга поддерживаем, дополняем. Лева помогает мне, когда я записываю песню... А я, в свою очередь, решил поменять Лева имидж комсомольского певца. Раскрыл его перед зрителями как нормального, своего парня, который любит пошутить. Зрители обалдели от того, что “комсомольский” Лещенко, к которому они привыкли, вдруг совершенно неожиданно оказался родным...

Кстати, благодаря Ленинскому комсомолу мы с Левой посмотрели массу интересных стран. Комсомольцы придумали, что наших спортсменов должна сопровождать группа психологической поддержки. Иосиф, Лева, я – все мы входили в состав этой самой группы. Это была настоящая “психушка”. Потому что мы с комсомольцами набирали с собой в поездки огромное количество водки. И, кроме того, что любовались страной, пили горькую. С собой всегда возили фраерский набор: водка, икра, сувениры. Приехав в страну, устраивали с местными “чэиндж”...

Мы с Левой и с Левом Оганезовым собирались в Мексику. Гриша Ковалевский, музыкант из оркестра “Виртуозы Москвы”, сказал мне, что там хорошо идет советская оптика, особенно фотоаппараты “Зенит-Е”. Мы записали адрес комиссионного магазина, купили фотоаппаратов и в первый же день пошли на разведку. Идем по улице Мехико. На каждом из нас – по три “Зенита”.

Вокруг – достопримечательности, памятники архитектуры. Все фотографируется у разных памятников, а мы – нет... Целеустремленно ищем нужную нам улицу. Наконец находим... И видим: на огромной витрине комиссионного магазина выставлены фотоаппараты, среди них штук 50 – “Зениты”... Оказалось, нас опередил Государственный симфонический оркестр радиовещания и телевидения, который в полном составе посетил Мексику накануне. Нашему отчаянию не было предела...

Нас привезли на курорт, и там “Зени-

ты” произвели сильное впечатление на немецкого туриста. Он “уговорил” нас продать ему по дешевке все фотоаппараты. Счастливые, что избавились от тяжелого груза, мы купили зажигалок и жвачек...

...Однажды, после бурного празднования моего дня рождения (31 марта. – Ред.), наступил мой любимый праздник – День смеха. Я мирно сплю в своей кровати. Звонит телефон. Время – пять утра, я только заснул. Снимаю трубку, Лева Лещенко:

– Вов, мы уехать не можем. Машина не заводится. Ты ведро воды не вынесешь?

– А где ты? – спрашиваю спросонок.

– Да у тебя во дворе. Мы как ушли, так и стоим здесь. Как проклятые.

Взял я ведро, налил в него воды... Вышел во двор, стою, как болван: в трусах, в майке и с ведром воды в руках. Дворник метлой машет, смотрит на меня удивленно:

– Ты чего это?

– Да Лева позвонил. Не пойму, куда он делся. Сказал, что машина не заводится, воды просил вынести. Вот я вынес, а его нет.

Дворник изумился: “Вот прогресс! Машины на воде ездить стали!” И тут до меня дошло, что Лева меня разыграл. “Ну ладно, – затаился я, – отольются кошке мышкины слезки”.

Поехали мы вместе в Германию. Купили две пары хороших ботинок. У нас с Левой одинаковый размер. Пока Лева куда-то выходил, я взял и поменял ботинки так, что в одной коробке лежали два правых, в другой – два левых. “Посмеюсь над тобой, друг ты мой хороший”, – думал я злорадно... На следующий день улетаем в Москву. Сидим уже в самолете, и я говорю:

– Немцы-то какие гады. У меня в коробке два левых ботинка оказались.

– У меня тоже! – воскликнул Лева возмущенно. – Но пока ты спал, я утром сбежал, поменял...

...Меня как-то спросили: “Что бы вы сделали, если бы жизнь началась сначала?” Во-первых, она еще не кончилась... Старость наступает, когда человек успокаивается... Я еще не успокоился.

Что бы я сделал?... Друзей бы вернул. Отца вернул. Конечно, накопив ошибок сегодняшней жизни, я постарался бы не допустить их в новой. Не попал в аварию... И смог бы предупредить: “Потише, ребята! Сбавьте скорость!” После аварии долгое время у меня было чувство неловкости и вины, что ребята погибли, а я остался... Но, может быть, из-за этого необъяснимого чувства вины я поднялся и стал работать интенсивнее, чтобы как-то загладить вину. Отдать долг...

Единственное, что я бы не изменил, – профессию. Снова стал бы артистом... Снова радовался бы смеху в зале, счастливым лицам... Быть смешным – не простое искусство. Можно смеяться, наблюдая, как уносит ветер шляпу соседа, а можно очищаться смехом, становиться лучше, добрее, красивее. Все, что касается юмора или клоунады, относится к жанру очистительному. Когда я говорю, что я – клоун, я не имею в виду профессию, по ней я – артист пародийного жанра. В задачу клоуна входит вызывать у людей положительные эмоции... А я занимаюсь юмором, и поэтому считаю себя клоуном... Я – клоун Федя...

У моего брата есть сын Вовка. Владимир Винокур. Он сейчас бизнесмен. Когда Вовка был маленьким, я его кормил с ложечки и приговаривал: “Надо, Федя. Надо”. Вовка стал постарше и говорит: “Нельзя, чтобы в семье было два Владимира Винокура. Давай ты будешь Федя?” И теперь дома меня зовут Федя. Кто не знает почему, удивляется.